

А
Н. А. Добролюбов

Очерки и рассказы И. Т. Кокорева

Москва. 1858 г. Три части.

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

Лет двенадцать тому назад начали появляться в "Москвитянине" рассказы, подписанные фамилиею И. Кокорева. Несмотря на то что "Москвитянин" не пользовался тогда хорошей репутацией и мало читался, Кокорев скоро успел обратить на себя внимание публики. Его имя отделилось от имен обычных вкладчиков "Москвитянина" вместе с именами Островского, Писемского, Потехина... Его рассказы, раскрывавшие подробности жизни ремесленников и мелких промышленников московских, постоянно встречали сочувствие публики. Было время (в 1852 г., после напечатания "Саввушки"), когда ожидания от таланта Кокорева были очень велики; от него надеялись серьезного, глубоко задуманного и строго выполненного произведения из нашей городской-народной жизни, которую он знал в мельчайших подробностях и которой умел сочувствовать. Но через два года потом (в 1854 г.) Кокорев умер, ожидания остались невыполненными; о смерти молодого писателя было несколько строк в том журнале, где он участвовал; редакция журнала обещала в скором времени издать его сочинения; но потом, как водится, забыли и о Кокореве, забыли и об обещании редакции (забытом ею самой), забыли и о самом журнале, который тоже скончался, недолго пережив своего талантливового сотрудника¹.

Теперь снова представляется случай вспомнить о Кокореве; вышли его сочинения, изданные, впрочем, не редакциею "Москвитянина", а одним из товарищей покойного -- В. А. Дементьевым. Эти три бедно и серо изданные томика наводят на мысли очень невеселые. В них человек, хотя несколько знакомый с закулисною жизнью журналистики, ясно читает грустную историю гибели таланта. Люди, находившие в Кокореве зародыши сильного дарования, ценившие его горячую любовь к работающим беднякам нашим, большею частию и не предполагали тех обстоятельств, которые служили у него источником этой любви, но вместе с тем и препятствовали свободному развитию его дарования. Строгие эстетические ценители хотели, чтоб он долгие *вынашивал* в душе свои произведения, давал своим очеркам больше стройности, больше *объективировал* их, лучше отделял со стороны внешнего изложения... Но ценители не знали, в каком отношении находились произведения Кокорева к его собственной жизни. Немногим было известно, что эти очерки, изображающие горькую бедность с честным трудом, а подчас и грязь, и забвение горя за чаркой, и невольное влианье из стороны в сторону, что все это -- воспроизведение того, что со всех сторон обхватывало и сжимало жизнь самого автора. Он не издали, не в качестве дилетанта народности, не в часы досуга, не для художественного наслаждения наблюдал и воображал жизнь бедняков, с горем и часто с грехом пополам добывающих кусок хлеба. Он сам жил среди них, страдал с ними, был с ними связан кровно и неразрывно. Он недурно изображал мастеровых, кухарок и извозчиков; не мудрено: его трудами поддерживалось существование старого больного отца, ремесленника из вольноотпущенных, давалась помощь: его матери -- кухарке, его брату -- извозчику!.. Ему ли было отделяться от героев своих произведений и стараться объективировать их! Ему ли было заботиться о *вынашивании* в душе своих образов, об изящности их отделки! Будь какая угодно артистическая натура, но трудно усадить в живописное положение больного отца, чтобы с него нарисовать изящный портрет нищего старика; трудно томить его голодом, чтобы, смотря на его страдания, *выносить* в душе образ голодной бедности и потом с эпическим спокойствием выставить его напоказ миру... Нищета семейная, безотрадное, насущное, сосущее горе, в каком проходила жизнь Кокорева, мало благоприятствуют ровному и спокойному течению мыслей. Не мудрено, что его рассказы и очерки выливались из души лирическим порывом, что о каждом бедном ваныке, о кулаке, о мастеровом -- он рассказывал с таким кротким и теплым чувством, как будто бы говорил о своем родном брате. Пускался он иногда и в шуточки, старался смешить и смеяться; но это как-то не шло к его тону, не к лицу ему было: губы его как будто складывались в улыбку, а на глазах блестели слезы. И только этими невольными, кроткими слезами да этой робкой, неудачной улыбкой и сказался он миру. Ни отчаянного стога, ни могучего проклятия, ни желчной, кроваво-оскорбляющей иронии -- ни разу не вылетело из этого нежного, терпеливого сердца. Он как будто забит, запуган был жизнью; он боялся поглубже заглянуть в свое сердце, разбередить его раны, поднять со дна души вечные вопросы о правде, о счастье, о честном труде и об участи бедных тружеников на этом свете... Покорно склонился он перед своей